

# DEMONTAGE

Эмиль Петросян

*Пчела расчленяет тысячи сросшихся глаз*

*Дабы извлечь удовольствие*

Ж.Рибемон-Дессень, Звезды

## Вступление

Вначале была пустота. Но она была заполнена до краев. И из нее вышла точка, в которой сконцентрировалась вся энергия пустоты. И точка стала вибрировать. А затем взорвалась. И из взрыва стал развертываться мир. Будущее – из настоящего, настоящее – из прошлого, следствие – из причины. Затем все остановилось и двинулось в обратную сторону. Именно в этот момент образовалось Солнце. Как движение назад.

Солнечный день, как раскаленный камень с миллиардом граней, засверкал в пространстве. И несмотря на запредельный жар, распахнулись двери светлых сил, которые вступали сами с собой в ковалентные связи, мутируя и размножаясь.

Но сейчас время останавливается. Оно словно и вовсе не существует, замерев в одном из углов помещения, где расположен диван, и источая тягучую ностальгию. И мысли варятся в собственном соку, пока я их помешиваю на медленном огне, находя свое развитие в действиях и заметках.

События теряются в днях и в людях. Они прячутся – и выковырять их, извлечь на свет в относительно чистом, беспримесном виде становится практически невозможно.

Я сижу в своем кресле перед монитором и пытаюсь собрать невнятное томление в мыслях, чтобы сфокусировать его в письме, как в призме. Но текст не слушается, сопротивляется и упирается, как внешняя сила, на которую невозможно повлиять, хотя возникает иллюзия, что такое воздействие возможно.

Я сошел с единственной тропинки в лесу и теперь пытаюсь ее снова найти.

Недавно мне приснился сон. "Так уж случилось, что реальность прячется за словами", - сказал мне какой-то человек в метро и исчез в толпе. И я искал его во сне, и случайно заглянул в чужой сон. «Занято! - кто-то резко крикнул мне, и захлопнул передо мной альтернативную реальность – и я проснулся.

А вообще, если нас больше никто не слышит, то скажу вам по секрету: законы природы, которые действуют для нас с вами, - всего лишь заданные исходные параметры. Кто-то трансцендентный наверняка может менять их по своему усмотрению, создавая бесконечное множество новых реальностей. И над этим гиперхаосом возможностей

парит размноженное сознание, которое не может себя идентифицировать. Как зеркало, которое все отражает, но ничего не принимает.

Прослеживая эволюцию моих взглядов, от одноклеточных – к высшим приматам, я неизбежно прихожу к своей чужеродности этому миру. Я прихожу к тому, что реальность отталкивает меня, как назойливого ухажера. Она не готова делиться со мной своими секретами. И мне приходится всякий раз переизобретать ее, чтобы сделать более приемлемой для своего нахождения внутри.

Непоследовательность мира, необязательность его причинно-следственных связей я начал замечать довольно давно, только не подавал виду. Сколько раз я просеивал реальность через слова - и на выходе не оставалось ничего, кроме смутных ощущений.

Когда-то мне казалось, что я просто не нахожу нужные формы, чтобы вцепиться в реальность, ухватить ее и удержаться в ней. Но со временем мне стало окончательно понятно, что притягивать все факты под существующую картину мира становится все сложнее и сложнее.

Итак, осень подступала к горлу, как ком. Семантические поля излучали числа. И я не оставлял свои надежды, разобрать весь мир до мельчайших элементов. Я словно поднимался по канату, активизируя усилия с каждым новым захватом. Но линии пересекались, и леса шуршали, полные невидимых зверей. Птицы застыли, как граффити. Квадраты и параллелепипеды в моих автоматических рисунках воспроизводились снова и снова, итерация за итерацией.

Я не придумал ничего лучше, как создать несколько новых текстовых реальностей. Но чтобы осознать, как они могут выглядеть, я решил добавить смысловой аппарат кино. Все, что я видел далее и о чем размышлял, я представлял в виде художественных зарисовок своих снов и ощущений, которые, конечно же, потребуют от читателя более длительного и детального погружения в вопрос.

## Меморика

«Подумать только, 49!», - воскликнул профессор Питерс, смотря в окно на киоск с уличной едой. Очередь, за которой наблюдал Питерс медленно продвигалась вперед, следуя какому-то внутреннему порядку. «Что, в конечном итоге, отличает этих людей от роботов?» - задумчиво произнес Питерс и отошел от окна.

Через некоторое время он уже стоял возле зеркала, всматриваясь в свои грустные карие глаза. Он высунул язык, долго его осматривал в отражении, а потом провел руками по редеющим волосам. «Время летит очень быстро» - многозначительно изрек Питерс.

- Вы думаете? – ответил ему доктор Арчибалд, его ассистент, - Вы и в самом деле верите, что время существует?

- Ну конечно, иначе как объяснить, почему у меня стареет физиономия!

- Это энтропия, - загадочно произнес Арчибалд.

- Может и энтропия, - снова подходя к окну, сказал профессор Питерс.

Лекции закончились несколько минут назад, профессор Питерс и его ассистент доктор Арчибалд, словно Шерлок Холмс и доктор Ватсон, сидели в теплом кабинете и смотрели на осень за окном. Они любили

порассуждать о строении Вселенной или о том, как функционирует общество. В этот раз профессор был особенно угрюм, ему исполнилось 49 лет.

- Арчибалд, ты помнишь, какое число там было в «Автостопом по галактике» Дугласа Адамса?

- Про самый главный вопрос Вселенной?

- Да. 42, кажется.

- Да, точно.

- Получается, что я старше самого главного вопроса во Вселенной. Это положение обязывает.

- Согласен.

Профессор Питерс налил себе кофе из кофейника, уселся в кресло и стал читать вслух новости: «Из Центра управления полетами сообщают, что сигнал, полученный из космоса на прошлой неделе наконец расшифрован. Судя по всему, в качестве межпланетного сообщения был отправлен учебник по математическому анализу».

- Вы слышали, Арчибалд, ученик по матанализу!

- Да. Это забавно, особенно учитывая, что полученные данные визуально напоминали фекалии парнокопытных.

- Ну фекалии, я так понимаю, в своей основе имеют математический смысл. Разве это не фракталы?

- Если только фракталы своих хозяев.

- Изящно, доктор, я это запомню.

- Я не против, запоминайте. Ведь память — это все, что остается от реальности.

- Подождите, Арчибалд, нас тут читают люди, мы должны разнообразить наш диалог, а то обсуждаем черт знает что. Кому из читателей это будет интересно?

- Разве мы общаемся не ради удовольствия? Какое нам дело до читателей!

- Ну конечно, коллега, проблема только в том, что нас не существуют, мы вымысел. И, отсюда, мы должны каким-то образом оправдать наше присутствие в этой и без того малопонятной книге.

- Это очень благородно, профессор, но разве читатели не являются таким же вымыслом, как мы?

- Нет, они относятся к реальному, а мы к воображаемому. Хотя иногда одно от другого не отличить.

- Я чувствую себя вполне реальным, и поэтому не понимаю, почему кто-то может оказаться реальнее меня.

Питерс сделал какой-то неопределенный жест рукой и включил телевизор. По телевизору шла какая-то странная передача или документальный фильм.

- Вот это и есть воображаемое! - воскликнул Арчибалд, подсаживаясь к телевизору.

## **Поэтика**

Появляется закадровый голос: «Ветер перелистывал деревья. Ветер перелистывал птиц. Ветер бился в окна головой. Солнце горело и билось о границы, как кусок жидкой расплавленной стали».

Пара в полумраке. Признание в любви, страстные ласки, поцелуй, под закадровый шелест хрустящих банкнот. Камера минут пять петляющая в темных затхлых дворах из арки в арку из одного замкнутого двора-колодца в другой, внезапный выход на просторную улицу. Яркий свет, заполняющий кадр.

Затем все перемещается в шествие на бразильском карнавале. Запущенный ребенком высоко в небо воздушный змей. Девушка с роскошным задом на эскалаторе в метро. Блогер на улице, задающий абсурдные вопросы. Ответы на вопросы транслируются по центральному телевидению. Их слушает жирный чиновник в дорогом гостиничном номере с проститутками. За окном за ними подглядывает ворона.

В это время за окнами происходит автомобильная катастрофа. Опять кадры секса. Кадры автокатастрофы. Кадры секса. Кадры с переворачиванием автомобилей в рапиде. Кадры с перекатывающейся по постели романтической пары.

Затемнение. Камера через родовые каналы выходит наружу. Шок. Ее шлепают по заднице, и она орет. Затем камеру передают в руки толстой страшной, усатой и счастливой мамаше. Камера снова в шоке. Мать целует камеру, шевеля усами. Камера в ужасе орет, сорвав голос. Мать начинает убаюкивать камеру. Камера еще немного плачет и засыпает.

Потом возникает женщина на фотографии в обтянутых джинсах. Камера движется к просвету под низом живота. Просвет увеличивается, увеличивается и превращается в белый экран. Слышится голос за кадром: «Говорят, что белый цвет ближе всего к черному, ибо это

одинаково слепые цвета. Они одновременно выражают и присутствие, и отсутствие. Они по ту сторону всего. Они метафизичны». Потом резко кадр уходит в черное. Откат камеры из картины Малевича «Черный квадрат», экспонирующейся в музее.

Откат от черного цвета, и мы видим, как он растворяется в небе позднего зимнего вечера. По безлюдной заснеженной улице идет человек и курит. Мелькающий огонек сигареты. Выражение невообразимой тоски на его лице. Внезапно ему навстречу выходит девушка. Он заваливает ее на снег и пытается поцеловать. Девушка ударяет его коленом в пах. Он корчится от боли. Девушка отряхивается и идет к остановке, как ни в чем не бывало. Он лежит на снегу. Истерика.

Камера идет по заснеженной дороге и спускается в метро. Перед камерой возникает парень. Она идет за ним, он заходит в вагон и садится на свободное место. Парень замечает сидящую напротив красивую девушку. Он представляет, как подсаживается к ней. Сначала робким движением руки пытается прикоснуться к ее руке, затем она сама подставляет руку. Затем он кладет руку целиком на ее бедро. Оборачивается к ней. Она внимательно на него смотрит. Затем он медленно приближает губы к ее губам. Начинает ее сексуально целовать, не торопясь, словно ест манго или волокнистый сладкий плод. Она с удовольствием включается в игру. Затем, услышав название своей остановки, он возвращается в реальность, проходит к выходу мимо сидящей девушки и, наклонившись к ней, произносит: «я люблю тебя». «Я тебя тоже», - отвечает девушка. Парень выходит. Расфокус.

Далее из темноты возникает пустая комната, заходит человек, по его виду понятно, что он на грани нервного истощения. Он подходит к магнитофону и включает музыку, звучит U2 "Walk to the water". Он подходит к окну, осень. В это время красивая девушка спит в ванне молока. Камера рассматривает ее, смакуя каждую деталь: волосы, ушки, глаза, шея, кисти рук, колени, бедра, выступающие из молока. Какой-то смуглый парень аккуратно, стараясь не разбудить, достает ее из ванны и уносит.

Камера с улицы залетает в комнату, где парень сидит перед компьютером и монтирует фильм «Губы», он откидывается на спинку кресла и включает видео сначала. В фильме очень красивая женщина красит очень красивые губы перед зеркалом. Облизывается, корчит себе рожицы, затем встает и уходит. Камера останавливается на ее алой помаде, оставленной на туалетном столике. Хронометраж – 2 минуты.

После этого камера заходит на выставку современного искусства, где на огромном панно расставлены фотографии женских задниц, каждую фотографию сопровождает текст на стене, в котором указывается имя девушки, ее возраст, профессия, а потом небольшой рассказ о своих интересах, друзьях, о том, что им больше всего нравится в жизни. Текст заканчивается абзацем, в котором каждая девушка рассказывает о любви, как она ее понимает, была ли она влюблена и каков статус ее личной жизни сейчас.

В тексте одной из девушек рассказывается о танцоре балета. В кадре сразу появляется этот танцор, он выходит на абсолютно белую сцену. Макает ноги в черную краску и начинает танцевать. По окончании танца изображение сцены выставляется как картина абстрактного искусства. Медленное доведение сцены до максимального затемнения.

Из темноты мы слышим тиканье часов. К часовому мастеру приносят в ремонт часы без стрелок. Часовой мастер осматривает часы, а потом спрашивает: «А куда делись стрелки?». Клиент ему объясняет, что нашел часы именно в таком виде. Разбирая часы, мастер замечает, что в конструкции часов не предусмотрены стрелки. Они просто ходят. Он сообщает об этом клиенту. Клиент их забирает и бережно кладет в карман.

Слышен звук симфонического оркестра. Из затемнения появляется сам оркестр. На пюпитрах вместо нот – журналы Hustler, Penthouse, Playboy и т.п.

Затем появляется полиэкран: лица мужчины и женщины крупным планом. Судя по их энергичным движениям головами и страстному напряжению, можно догадаться, что они занимаются сексом. Но как только камера отдаляется, становится ясно, что они обсуждают математическую проблему у доски.

Камера выходит из аудитории и заходит в пустую комнату, в которой на полу стоит телевизор, по которому транслируется видео-арт. Какой-то человек издалека медленно приближается к камере и накрывает ее. Из-под темной ткани мы слышим разговор о природе реальности. Как ткань спадает, мы видим, что двое сидят на обломках судна в открытом море.

Из затемнения появляется лист бумаги, на котором человек пишет: арт-работа "Родинки". Рядом лежит красивая голая девушка. Он ищет и находит у девушки на теле родинки, тщательно протоколирует их расположение, габариты, а затем присваивает им номер для каталога.

Каталог превращается в холст, выкрашенный в телесный цвет. Он весь покрыт силиконовыми ушами, приклеенными к нему в хаотическом порядке. Рядом виднеется название "Секрет". Человек с аналогичными ушами сидит за рабочим столом в офисе и смотрит в компьютер, в котором смотрит картинку с тем самым холстом.

Скриншот людей с видеоконференцсвязи. Затем резкий монтаж - иконостас в церкви. Затем опять вкс: человек отвечает на токсичные вопросы коллег. Потом снова резкая смена – икона «Святой Георгий побеждает змея».

Две маленькие мухи сидят рядом. Какое-то время они смотрят друг на друга. Затем одна улетает. Затем улетает и другая.

## Откровения

Капитан Гилберт наблюдал горизонт, жадно куря и играя соло на электрогитаре. Его мысли шли параллельным потоком, не пересекаясь друг с другом. Это напоминало конвейер, с которого сходят красивые яркие упаковки чего-то.

Вечер накрывал старыми переживаниями новенькие темно-зеленые холмы, продукты ландшафтного дизайна. Где-то пели детские качели.

Пожилой труженик-крестьянин подгонял в поле припозднившуюся скотину, пытаясь припомнить день недели.

Космос оказался не так дружелюбен, как думал Гилберт. Звезды сияли как прожекторы, направленные в лицо. Он долго сидел в космическом корабле, боясь выглянуть наружу. Замкнутая капсула корабля громыхала, как консервная банка. Атмосфера здесь крайне агрессивна.

Из космического корабля хорошо просматривался двор, где среди опавшей листвы на ветках сидели птицы, как фигуры, расставленные на шахматной доске. Дворник, расстегнув скафандр, совершал танцевальные па, а затем бросился вон из двора – на оживленную улицу, где на асфальте среди машин валялась детская игрушка.

Детская игрушка валялась на снегу, пока Вольдемар Гилберт закутывался в одеяло, и маленькими аккуратными глотками пил чай. Он подошел к зеркалу и посмотрел на свою растрепанную физиономию. «Басы бакенбардов гремят в зеркале» - пронеслось у него в голове. Он прошелся по комнате и подошел к книге, небрежно брошенной на постель. «Князь Юсупов неторопливо писал в солянку, - прочитал Вальдемар, удивленно приподнял брови и продолжил читать, - Самовар закипал. Цветок в петличке у Вольдемара горел, как факел. Он нервничал и изрыгал из своей пасти огонь, как заблудившийся в лесу своей жизни дракон».

Облака кружились в иллюминаторе. И вместе с собой они выкручивали из своих патронов деревья, которые больше не светились, а тускло

поблескивали. Насекомые озлобились и вгрызались в осень зубами. Они летали парами и раздирали плоть отдыхающих в парке представителей среднего класса. Повариха колотила половником полковника. Магазин жевал покупателей и вялых выбрасывал на асфальт. Ветер стучал в окно. Перелетных птиц тошнило, покидая родные края. Все было, как всегда.

Потом пошел безжалостный ливень, который нещадно бил людей битами капелек по голове. Вольдемар снял трубку. «Леся» - подумал он. В этом году весна не пришла по расписанию. Но осень оказалась вовремя.

Из ниоткуда появился человек, облаченный в корону и горностаевую накидку, напоминающую врачебный халат. Он тихо подошел к Лесе, читающей книгу, и поцеловал ее в ушко, а затем удалился в опочивальню. Алекс!

«Футбольные вратари носят перчатки, чтобы скрыть свои старческие руки» - не выходило у него из головы. И укладываясь спать в опочивальне, Алекс посмотрел в окно на небо, где кружили вечерние птицы и постоянно вскрикивали в полете, боясь упасть и разбиться».

Вольдемар ничего не знал об Алексее. Но он хорошо знал Лесю. Леся сидела у трюмо, расчесывала свои шелковистые волосы и мечтала улететь далеко-далеко отсюда и жить в чудесной морской стране, где никогда не бывает сырой холодной осени.

## Эротика

В столе у Леси Вольдемар нашел странные записи. Когда он спросил у Леси, откуда они у нее, она густо покраснела и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. А Вольдемар устроился поудобнее в нагретом Лесей кресле и начал читать, медленно, не торопясь, смакуя каждую деталь.

«Все завершилось стремительно. Дельфин спермы прыгнул в океан ее рта и утонул в его глубине. Его тестикулы были взбиты до состояния суфле и выпущены из миксера ее рта. Муравьишки волосков, ползущих от ее пупка к лобку, встали на дыбы. Он пришпорил свои яйца, как мушкетер на войне, навстречу тягостно пылающему оргазму. Она сладко содрогнулась. Он обжег ей нутро своим огненным семенем, и оно стало пульсировать, как второе сердце. Он был как еретик на костре ее пистры. Вагинальный Джордано Бруно. Он все-таки разворошил ее гнездо!

Затем вспыхнул его пах. Он безуспешно пытался погасить его под холодным душем. Но никак не мог это сделать, поскольку постоянно вспоминал ее холодный как сталь взгляд, и такие же холодные и стальные зубы, которые лязгали возле его тестикул, как ножницы.

На утро, когда его член еще спал, как сытый толстый удав, пережидаящий зиму, - в предрассветном пруду постели два осетра ее ног снова нырнули в молоко простыней. Она лежала на нем, и его тело

оказалось пирогой, в которой они плыли по реке в непроходимых джунглях.

В тот день она стояла спиной, а ее загорелые ягодицы были тихи и прохладны. Дракон его члена, сторожащий сокровища генофонда, проснулся. Сладко потянувшись, он двинулся туда, где смыкаются ее ягодицы, где бродят жизненными соками ее потайные места. Упираясь членом в мягкий ворс ее лобка, он вдруг ощутил руками жар ее бедер. Встретившись с ней влажными и алчными до любви глазами, он медленно проникал в нее, словно миллиметр за миллиметром вонзал клинок прямо ей в сердце. «Что это?» - в восхищении спрашивала она. «Это вулкан!» - крикнул он, и вулкан тут же извергся и залил их тяжелой жгучей лавой».

«Мда», - еле отрываясь от записей, подумал Вольдемар, отложил книгу, и, чему-то улыбаясь в мыслях, вышел вон.

## Рецензии

**Bond007.** Прочитал роман “Демонтаж”. Пошлятина, несусветная! Все так натужно. Придумано на коленке. Персонажи трафаретные, мысли сумбурные, а от описания эротических сцен глазам больно.

**Samec\_doma.** Я, как профессиональный литературный критик, не имею ни малейшего понятия, почему автор его называет романом, там

текста на несколько страниц. Ну в крайнем случае, это микро-роман или повесть, но уж никак не роман. Да и другого непонятного в нем очень много. Местами очень сильно затянут. Не очень понял, почему раньше никто не замечал, что Алекс инопланетянин. Короче говоря, слабая работа, требующая большего вовлечения автора и более тщательной проработки персонажей.

**Olga\_p\_1995.** А мне роман понравился. И где вы там нашли Алекса? Вы что-то путаете! Но согласна, что немного затянут, хотя в принципе все сюжетные ходы понятны и события развиваются довольно стремительно. Робот тоже появляется к месту. И хотя он вообще не понимает, что происходит, в какой-то своей логике он прав.

**Barsuk\_sea.** Муть несусветная. Инопланетяне, роботы, менеджеры среднего звена, чиновники, депутаты, проститутки, офисный планктон, олигархи, мошенники. Весь этот набор клише всем давно надоел, а эти «космические засланцы» - вообще дно. Я бы никогда такой роман не опубликовал, ни за какие деньги! Даже, наоборот, прятал бы текст, чтобы никто не подумал, что я настолько бесталаный.

**Айбелив\_ Айкенфлай.** Что вы все ноете, классная же вещь! Человек живет себе на свете и ни о чем не подозревает, что ему 2500 лет и он инопланетянин. А эти его друзья, которые сразу от него отвернулись. Как это все понятно и узнаваемо. Но особенно мне понравились любовные сцены. То, что Алекс знает особые эрогенные зоны, которые у каждой женщины в разных местах, и может одним взглядом активировать их, доводя женщин до исступления, это, по-моему, очень даже свежая идея. По крайней мере, раньше она мне не попадалась. И

Габи его не достойна, особенно после того, как она отказалась лететь с ним.

**Good-boy001.** Не Габи, а Леся. Хотя здесь это то же самое.

**FemenaJ-new.** Вижу, тут никто ничего не понял. Начну с того, что в романе нет ни Алекса, ни инопланетян, ни роботов! То ли вы путаете этот роман с другим, то ли существует два романа с одинаковым названием!

**Jurist005.** Сейчас постараюсь все объяснить. Алекс – это инопланетный двойник Джона. Помните тот момент, когда Джон смотрит в зеркало и узнает в нем Алекса. Классный момент, пробирает до кишок! Вообще тут не надо все воспринимать буквально.

**Wse\_znayu-nichego\_ne\_skazhu.** Здесь ничего нельзя воспринимать буквально. Алекс и Джон – едины, как близнецы, как человек и его тень, проекция. Габи тоже можно запараллелить с Амандой. Они тоже дополняют и уравнивают друг друга. Вспомните, как они впервые встретились.

**Spiderman1975.** Вы все придумываете какие-то конспирологические теории, не понимая, что мистика всегда портит фантастику! Не Джон, а Вольдемар! И вообще, уймись уже!

**Bycicleman46.** Абсурд какой-то! Вы сейчас говорите именно о романе «Демонтаж»? Вы же чушь какую-то порете! Этот роман – просто сборище каких-то дебильных замечаний человека, который ничего ни в чем не понимает. И вообще – прекратите приписывать роману инопланетян! Я их там не нашел. Даже если они реально присутствуют в романе!

**Big\_boss777.** Срамота и безвкусица!

**Petroniusss.** А я бы дал этому роману шанс.